

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

УДК 81'42

DOI 10.25688/2076-913X.2021.41.1.06

Л. Г. Викулова,

Э. М. Рянская

**Этикетность диалога
в коммуникативной практике XVII века**

В статье рассматриваются особенности коммуникативной практики XVII века на примере французского статусного социума, опирающегося на коллективные ценности общества и на европейские нормы речевого поведения. На материале литературной сказки Ш. Перро «Рике с хохолком» показаны особенности этикетного диалога, детерминированного социальной средой. Акцентируется значимость факторов, определяющих динамику речевых партий говорящих.

Ключевые слова: коммуникативная практика XVII века; светское речевое поведение; диалоговое взаимодействие; диалог.

Введение

В последние десятилетия наблюдается стремление ученых к синтезу различных направлений при изучении художественного текста, обращение к историологическому, культурологическому и историко-лингвистическому аспектам при проведении собственно лингвистического анализа. Исследования по диалогичности литературного текста на основе трудов М. М. Бахтина привели ученых к новому подходу к литературному тексту как акту коммуникации, в котором условия протекания общения, текст и контекст неразделимы. В данном случае важно говорить об экстралингвистическом контексте, когда ситуация коммуникации включает условие общения, время и место коммуникации, самих коммуникантов, их отношение друг к другу и т. д. Объектом изучения становится диалогический текст как результат речевой деятельности, которая социально детерминирована, когда социальная среда, социальное общение определяют способность говорящего к диалогичности и к вероятному прогнозированию ответственности, обусловленной исходной репликой [9, с. 8–11].

Актуальность темы

Считаем важным обратиться к речевой культуре диалога XVII века, когда формировались образцы французской речевой практики, в частности, оказавшей большое влияние на европейские нормы речевого поведения. Диалог относится к явлениям общественно-речевой практики того времени и может быть рассмотрен в историческом и лингвокультурологическом аспекте теории диалога. В данном контексте уместно мнение французского философа и литературоведа Р. Барта о том, что «классический язык всегда сводился к своей убеждающей функции, он домогался диалога, он создавал мир, <...> где всякая речь оказывалась формой встречи с другим человеком. Классический язык нес в себе ощущение блаженной безопасности, потому что его природа была непосредственно социальной. Не было ни одного классического жанра, ни одного классического текста, который не предполагал бы коллективного потребления, происходящего как бы в атмосфере общения и беседы. Классическое искусство литературы было объектом, циркулировавшим между лицами, принадлежавшими одному классу, оно было продуктом, предназначенным для устной передачи и для потребления, регулируемого обстоятельствами светского общения: вопреки строгой кодификации, классический язык, по самому своему существу, был языком разговорным (курсив наш. — Л. В., Э. Р.)» [3, с. 331].

1. Методология и материал

Культурный язык как идеальная норма, к которой стремилась самая статусная часть французского общества, соответствовал хорошему вкусу (*bon goût*). При этом предполагалось, что на таком языке говорят порядочные люди (*honnêtes gens*), которые прежде всего подобающе ведут себя в беседе и тщательно избегают грубых и просторечных слов (*les mots sales, les mots bas*), при этом не портят речь провинциальными говорами (*les mots de province*) или словами, вышедшими из моды (*les mots vieux*). Вместе с тем ограничения в словаре касались только публичной жизни, когда требовалось продемонстрировать так называемый *langue de parade* [18, р. 234–235]. Такое отношение к строгому отбору языковых средств в общении находило отражение в литературных образцах современных авторов, а дискуссии по вопросам культуры речи проходили в тех местах, где образованные люди, интересовавшиеся языковым узусом, вели споры о достоинствах и недостатках современных и античных авторов, — в великосветских салонах и литературных кружках [11, с. 407; 8, с. 47].

Образцы светского речевого поведения в структуре придворного речевого этикета находим во французских литературных сказках предпросветительского периода, которые стали литературными памятниками, отражающими своеобразие лингвистической ситуации и культурно-исторического контекста эпохи, их соответствия социокультурным и языковым стандартам адресата высокого

социального статуса. Через литературный жанр *conte* авторитетные писатели воспитывали языковой вкус (*bon goût*) говорящих на родном языке. Показывая реальные и возможные способы общения на французском языке, писатели опосредованно укрепляли позиции национального языка в его сосуществовании с латынью [5; 11].

Изучение особенностей диалоговой культуры периода, отстоящего во времени более чем на 300 лет от современного читателя, ставит задачу пересмотра как уже имеющихся результатов, так и самого материала исследования. Основными методами изучения речевых средств диалогического взаимодействия и обнаружения социокультурного контекста послужили приемы интерпретативного анализа на основе современного коммуникативно-дискурсивного подхода. Количественный подсчет использован в качестве приема выявления дискурсивной активности персонажей.

Материалом исследования стала одна из сказок Шарля Перро, мало известная читательской публике, — *Riquet à la houppe* («Рикé с хохолком»), которая вошла в сборник писателя в 1697 году [2]. Сборник был впервые переведен на русский язык и опубликован с научными комментариями в 1936 году [1]. В сказке рассказывается о некрасивом принце с хохолком волос на голове, способном дарить ум той, кого он полюбит. Для описания портрета главного героя автор использует лексические средства, которые описывают физический недостаток, особенно некрасивое лицо. Прилагательное *désagréable* характеризует прежде всего того, кто неприятен с эстетической точки зрения: «un petit homme fort laid et fort désagréable, mais vêtu très magnifiquement» («маленький человек, ужасно уродливый и противный, но одетый в великолепные одежды»¹).

Оба прилагательных усилены наречием-интенсификатором *fort* (очень). Вместе с тем автор использует антитезу, показывая контраст между уродством физической внешности и великолепием его наряда, отвечавшего стандарту поверхностного видения — *stratégie du paraître*, когда важно внешне соответствовать социальной иерархии, или *promotion sociale*, по определению французского историка Л. Бели [16, p. 460].

2. Анализ языкового материала

2.1. Этикетность дискурса

Динамику речевого взаимодействия интересно рассмотреть на примере структуры двух ключевых диалогов этой сказки, где наблюдается мена коммуникативных ролей, что обеспечивает режим диалоговедения. Согласимся с И. Н. Борисовой в том, что категория диалогического режима основывается на ряде факторов: замысел речевой партии (психологический аспект),

¹ Здесь и далее перевод дается по [1]. Примеры приводятся по [6, с. 248–255].

распределение коммуникативной инициативы (организационно-динамический аспект), композиционная и содержательная структура диалога (композиционно-содержательный аспект) [4, с. 246].

Общение умного принца с глупой принцессой станет судьбоносной для обоих после двух встреч, во время которых диалог персонажей отразил не только статусные отношения собеседников, этикетность дискурса, но и интеллектуальную дистанцию: принц красноречив в силу ума, принцесса лаконична в силу прирожденной глупости (*belle, mais sotté*).

Французский исследователь творчества Ш. Перро М. Сориано характеризует эту сказку как аллегорическое и прециозное произведение, которое имеет мало общего с волшебством, а диалоги персонажей считает скучными [19, р. 20]. Вряд ли можно согласиться с таким суждением. На первый план автор выводит дворянина, новые модели поведения которого, основанные на разуме, красноречии и элегантности, занимали определяющие позиции в обществе Нового времени: «Le gentil homme <...> cherche de plus en plus à devenir un officier respecté du ministre <...>, soucieux de bonnes manières et de politesse raffinée» [16, р. 472]. Ключевыми лексемами, предшествующими диалогу, выступают le respect (почтение), la politesse (вежливость) и les compliments (комплименты), отражающие «эстетику поверхности», когда, согласно установкам салонных завсегдатаев, honnête homme (порядочный человек) должен достигнуть совершенства в формах человеческого общения, но для этого были необходимы «атрибуты эстетизированной поверхности (элегантный туалет, изящные манеры, галантная беседа и т. п.)» [12, с. 95–96].

Писатель обозначает причинно-следственные связи встречи и ее цель.

Причина: «étant de venu amoureux d'elle sur ses Portraits qui couraient par tout le monde» («Он влюбился в ее портрет, потому что ее портреты были повсюду»).

Следствие: «[il] avait quitté le Royaume de son père» («[он] покинул отцовское королевство»);

Цель: «pour avoir le plaisir de la voir et de lui parler» («чтобы увидеть ее и поговорить с ней»).

Психологический аспект как установка на диалоговое взаимодействие обуславливает представление эмоциональных устремлений в поиске необычной любви, страсти в стиле барокко (*à la baroque*), что находит свое выражение в моде на портреты, представлявшие идеал красоты.

Закономерно ценностно-маркированное суждение Рике: «la beauté est un si grand avantage» («Красота — это такое большое преимущество»), которое близко к сентенции, где налицо структура отождествления двух понятий «красота – преимущество». Это имплицитно ценностное суждение кратко выражает позицию говорящего на актуальную лично для него проблему. Наблюдаем оформление категории обобщенности за счет существительного la beauté с определенным артиклем, тогда как существительное с неопределенным артиклем un avantage выражает ценностное предпочтение.

Значимость первой сцены в лесу в том, что автор стремится показать изначальную ситуацию интеллектуальной дистанции между персонажами. Автор на основе контраста представляет антипода Рике — глупую принцессу. А сема глупости неоднократно обыгрывается автором: *cette princesse n'aurait point desprit* (у принцессы вовсе не будет рассудка); *l'aînée devenait stupide de jour en jour* (старшая глупела день ото дня); *elle disait une sottise* (она говорила какую-нибудь глупость); *elle était si maladroite* (она была ужасно неловкая); *l'aînée, quoi que fort stupide* (старшая была глупенькой).

2.2. Реплицирующий диалог

Рассмотрим первый диалог, где главный герой произносит шесть реплик, а героиня — пять. Писатель представляет исходное событие, своего рода эмоциональный зачин, предстоящего диалога: «Ravi de la [la princesse] rencontrer ainsi toute seule, il l'aborde avec tout le respect et toute la politesse imaginable» («Обрадованный тем, что встретил ее [принцессу] наедине, он обратился к ней очень почтительно и с самой отменной вежливостью»). «Ayant remarqué, après lui avoir fait les compliments ordinaires, qu'elle était fort mélancolique, il lui dit...» («После обычных приветствий, заметив, что она очень грустна, он заговорил с ней...»).

Первый диалог		
№ реплики	Рике	Принцесса
1	Je ne comprends point, Madame, comment une personne aussi belle que vous l'êtes peut être aussi triste que vous le paraissez; car, quoique je puisse me vanter d'avoir vu une infinité de belles personnes, je puis dire que je n'en ai jamais vu dont la beauté approche de la vôtre (Не понимаю, принцесса, как это такая красавица, как вы, может быть такой печальной. Хотя могу похвалиться, что видел много множество красавиц, но сказать никогда не видал красоты, которая бы приближалась к вашей).	Cela vou splaît a dire, Monsieur, lui répondit la Princesse, et en <i>de-teure la</i> (Вольно вам говорить, принц, — отвечала она ему и на том замолчала).
2	La beauté, reprit Riquet à la Houpe, est un si grand avantage qu'il doit tenir lieu de tout le reste; et quand on le possède, je ne vois pas qu'il ya itri en qui puis se nou saffliger beaucoup (Красота, — продолжал Рике с хохолком, — это такое большое преимущество, что оно стоит всего остального, и, обладая им, казалось бы, можно ни о чем не печалиться).	J'aimerais mieux, dit la Princesse, être aussi la ide que vous et avoir del'esprit, que d'avoir de la beauté comme j'enai, et être bêteau tant que je le suis (Я бы предпочла, — отвечала принцесса, — быть такой же безобразной, как вы, и быть умной, чем быть такой красивой, как я, и такой глупенькой, какая я есть).

№ реплики	Рике	Принцесса
3	Il n'y a rien, Madame, qui marque davantage qu'on a de l'esprit, que de croire n'en pas avoir, et il est de la nature de ce bien-là, que plus on en a, plus on croit en manquer (Ничто на свете, принцесса, так не показывает ум в человеке, как то, что он не верит, что он умен; такова уж природа этого дара: чем больше его имеешь, тем меньше веришь, что он действительно у тебя есть).	Je ne sais pas cela, dit la Princesse, mais je sais bien que je suis fort bête, et c'est de là que vient le chagrin qui me tue (Я ничего про это не знаю, — отвечала принцесса, — но знаю, что я ужасно глупа, и есть то горе, которое меня убивает).
4	Si ce n'est que cela, Madame, qui vous afflige je puis aisément mettre fin à votre douleur (Ну, если только это, принцесса, то я легко могу положить конец вашим огорчениям).	Et comment le ferez-vous? Dit la Princesse (А как же вы это сделаете? — спросила принцесса).
5	J'ai le pouvoir, Madame, dit Riquet à la houppe, de donner de l'esprit au tant qu'on en saurait avoir à la personne que je dois aimer le plus, et comme vous êtes, Madame, cette personne, il ne tiendra qu'à vous que vous n'ayez autant d'esprit qu'on en peut avoir, pourvu que vous vouliez bien m'épouser (Я владею даром, принцесса, — отвечал Рике с хохолком, — сделать умнее всех на свете ту, которую я буду любить больше всех, а так как, принцесса, вы и являетесь этой особой, от вас лишь зависит стать первой умницей на свете, лишь бы только вы согласились выйти за меня замуж).	Без ответа. <i>Комментарий автора:</i> La Princesse demeura tout interdite, et ne répondit rien (Принцесса была так удивлена, что ничего не ответила!).
6	Je vois, reprit Riquet à la houppe, que cette proposition vous fait de la peine, et je ne m'en étonne pas; mais je vous donne un an tout entier pour vous y résoudre (Вижу, — продолжал Рике с хохолком, — что мое предложение вас затрудняет, и не удивляюсь этому. Но я вам даю целый год на размышление).	<i>Комментарий автора:</i> La Princesse avait si peu d'esprit, et en même temps une si grande envie d'en avoir, qu'elle s'imagina que la fin de cette année ne viendrait jamais; de sorte qu'elle accepta la proposition qui lui était faite (Принцесса была так глупа, а, с другой стороны, ей так хотелось стать умной, что ей представилось, что этот год никогда не кончится и поэтому она тут же согласилась на его предложение).

Данный диалог носит реплицирующий характер, где представлены две речевые партии, неравные друг другу. Этот тип диалога можно рассматривать

как интенционально-прагматический, где организующей силой выступает Рике как коммуникативный инициатор и лидер диалога.

Первая реплика молодого человека начинается с комплимента, отражающего *учтивость* говорящего. Комплимент не только речевой жанр, но и образ мыслей, манера поведения (как вербального, так и невербального) и речевой акт, сочетающий в себе определенный набор этикетных правил, нацеленных на положительное оценивание всего, что связано с ситуацией общения [13, с. 70]. В немногословном ответе героиня использует фразу *Cela vous plaît à dire* как выражение несогласия с ее характеристикой, прозвучавшей в устах принца. Не зная в силу глупости, что говорить, принцесса замолчала.

Во второй реплике уродливому Рике важно доказать собеседнице значимость красивой внешности, поскольку это соответствовало «атрибутам эстетизированной поверхности» того времени [12, с. 95–96]. Внешность человека Нового времени, его физическая привлекательность демонстрируют, согласно взглядам общества, как личностные качества, так и социальное положение [15].

Ответ героини на третью реплику Рике о значимости ума для человека отражает процесс обдумывания сложившейся ситуации. Понимая, что она ужасно глупа (*fort bête*), принцесса осознает, что это горе — быть глупой, для нее важнее стать умной.

В четвертой реплике главный герой проявляет готовность решительно изменить ситуацию (*mettre fin à votre douleur*). Каузативная конструкция волевого действия *mettre fin à* показывает стремление молодого человека к решительным действиям, чтобы заслужить любовь принцессы.

В пятой реплике герой тактично формулирует для героини предложение о замужестве в обмен на то, чтобы стать умной. Герой весьма убедителен, когда предлагает воплотить на практике свой дар сделать женщину умнее (*donner de l'esprit*) при одном условии: лишь бы она согласилась выйти за него замуж (*pourvu que vous [la princesse] vouliez bien m'épouser*). Союз *pourvu que* (лишь бы) в данном случае использован для выражения сильного желания, когда его осуществление не зависит от говорящего. Неожиданное предложение удивило героиню и осталось без ответа. В авторском суждении *La princesse demeura tout interdite, et ne répondit rien* ключевым выступает прилагательное *interdite* (растерянная, озадаченная), которое в переносном значении характеризует сильное потрясение героини от неожиданного предложения. Ответ не последовал, поскольку героиня, видимо, осознала эту несовместимость глупости и возможности блистать умом.

В шестой реплике герой тактично выражает понимание причины такого молчания принцессы и дает ей на раздумья целый год для ответа, таким образом героиня будет умнее в течение 12 месяцев. А Рике не будет торопить со свадьбой, поскольку понимает, что нужно время, чтобы измениться в интеллектуальном плане, как и время для того, чтобы созрело чувство.

Налицо этикетный дискурс, в котором коммуникативное поведение связано с устойчивыми, клишированными формулами общения в стандартных

этикетных ситуациях, что позволяет регламентировать основные способы вербального взаимодействия коммуникантов. Ситуация коммуникации статусно маркирована: взаимоотношение участников письменной коммуникации строится на социальном равенстве. Лексическими маркерами дискурсивной активности говорящего являются такие языковые средства, как этикетное Vous (Вы) с заглавной буквы, а также титул Princesse.

Странным современному читателю представляется использование вокатива Madame при обращении к незамужней девушке. Прециозность Рике проявляется в реплике с использованием обращения Madame к незамужней девушке. Лексема Madame выступает как знак-аксиологема, когда мелиоративная номинация нацелена на эксплицитное выражение уважения к титулованным особам [17, p. 990].

На первый план выходит дворянин, новые модели поведения которого, основанные на разуме, красноречии и элегантности, занимали определяющие позиции: «Le gentil homme <...> cherche de plus en plus à devenir un officier respecté ministre <...>, soucieux de bonnes manières et de politesse raffinée» [16, p. 472].

Дискурсивную активность героя, который желает завоевать сердце красавицы и убедить ее выйти за него замуж, можно схематически представить так:

Диалог 1

Реплики	Рике	Принцесса
1-я	33 слова	6 слов
2-я	34 слова	30 слов
3-я	41 слово	26 слов
4-я	18 слов	4 слова
5-я	56 слов	Без ответа
6-я	28 слов	Косвенная речь автора о раздумьях принцессы

Критерием коммуникативного лидерства, инициативного речевого поведения является соотношение иницилирующих и реагирующих реплик. Красноречие Рике выражено в шести репликах, состоящих в целом их 210 слов, тогда как принцесса обходится краткими репликами (66 слов), при этом две реплики Рике остаются без ответа со стороны героини. Вероятно, таким образом автор отразил ее ментальное состояние, низкую степень интеллектуального развития, что проявляется в невозможности давать ответы на вопросы собеседника. Налицо *асимметричный тип реплицирующего диалога* [4, с. 256], где Рике как инициатор диалога совершает речевой поступок, а его собеседница коммуникативно пассивна.

2.3. Метаморфозы диалога

Обратимся ко второму диалогу, состоявшемуся через год после первой встречи, где Рике произносит пять реплик (263 слова), а принцесса дает

довольно развернутые ответы (254 слова). Красноречие проявляют оба персонажа.

Второй диалог		
№ реплики	Рике	Принцесса
1	<p>Vous me voyez, dit-il, Madame, exact à tenir ma parole, et je ne doute point que vous ne veniez ici pour exécuter la vôtre, et me rendre, en me donnant la main, le plus heureux de tous les hommes (Вы видите, принцесса, — сказал он, — что я крепко держу свое слово, и я не сомневаюсь, что и вы сюда пришли затем, чтобы сдержать ваше и сделать меня счастливейшим из людей).</p>	<p>Je vous avouerai franchement, répondit la Princesse, que je n'ai pas encore pris ma résolution là-dessus, et que je ne crois pas pouvoir jamais la prendre telle que vous la souhaitez (Признаюсь вам откровенно, — ответила принцесса, — что я еще не приняла никакого решения, и не думаю, чтобы оно вообще могло бы отвечать вашим желаниям).</p>
2	<p>Vous m'étonnez, Madame, lui dit Riquet à la houppie (Вы меня удивляете, принцесса, — сказал ей Рике с хохолком).</p>	<p>Je le crois, dit la Princesse, et assurément si j'avais affaire à un brutal, à un homme sans esprit, je me trouverais bien embarrassée. Une Princesse n'a que sa parole, me dirait-il, et il faut que vous m'épousiez, puisque vous me l'avez promis; mais comme celui à qui je parle est l'homme du monde qui a le plus d'esprit, je suis sûre qu'il entendra raison. Vous savez que je n'étais qu'une bête, je ne pouvais néanmoins me résoudre à vous épouser; comment voulez-vous qu'ayant l'esprit que vous m'avez donné, qui me rend encore plus difficile en gens que je n'étais, je prenne aujourd'hui une résolution que je n'ai pu prendre dans ce temps-la? Si vous pensez tout de bon à m'épouser, vous avez eu grand tort de m'ôter ma bêtise, et de me faire voir plus clair que je ne voyais! (Верю тому, — отвечала принцесса, — и, конечно, если бы я имела дело с человеком грубым и глупым, то была бы в большом затруднении. «Слово принцессы, — сказал бы мне он, — есть слово принцессы,</p>

№ реплики	Рике	Принцесса
		<p>и вам следует выйти за меня замуж, раз вы обещали мне это». Но так как мой собеседник человек светский и притом умный на редкость, то я уверена, что он меня послушает и поймет. Вы знаете, что, даже когда я была дурочкой, я не могла решиться выйти за вас замуж; как же вы теперь хотите, чтобы я, сделавшись по вашей милости умной и потому гораздо более разборчивой в людях, согласилась бы на то, на что я и тогда не могла согласиться? Если вы думали на мне жениться, то вы сделали большую ошибку, отняв у меня мою глупость и позволив мне понимать все яснее, чем раньше).</p>
3	<p>Si un homme sans esprit, répondit Riquet à la houppe, serait bien reçu, comme vous venez de le dire, à vous reprocher votre manque de parole, pourquoi voulez-vous, Madame, que je n'en use pas de même, dans une chose où il y va de tout le bonheur de ma vie? Est-il raisonnable que les personnes qui ont de l'esprit soient d'une pire condition que ceux qui n'en ont pas? Le pouvez-vous prétendre, vous qui en avez tant, et qui avez tant souhaité d'en avoir? Mais venons au fait, s'il vous plaît. A la réserve de ma laideur, y a-t-il quelque chose en moi qui vous déplaît? Êtes-vous mal contente de ma naissance, de mon esprit, de mon humeur et de mes manières? (Если глупый человек, — ответил Рике с хохолком, — вынудил бы ваше согласие, как вы изволили заметить, тем, что упрекнул бы вас в нарушении вашего слова, то почему же вы хотите, принцесса, чтобы я не поступил так же, когда дело идет о счастье всей моей жизни? Разве это разумно, чтобы умные люди были в худшем положении, чем глупые? Разве вы можете это допустить, вы,</p>	<p>Nullement, répondit la Princesse, j'aime en vous tout ce que vous venez de me dire (Нет, нет, — отвечала принцесса, — все, что вы сказали, мне очень нравится).</p>

№ реплики	Рике	Принцесса
	такая умная, вы, которая так хотели стать умной? Но вернемся к делу, с вашего разрешения. Исключая мое безобразие, разве во мне есть что-нибудь, что вам не нравится? Разве вы не довольны моей семьей, моим умом, моим характером или моим обращением?).	
4	Si cela est ainsi, reprit Riquet à la houppe, je vais être heureux, puis que vous pouvez me rendre le plus aimable de tous les hommes (А если так, — продолжал Рике с хохолком, — я буду счастлив, потому что вы можете меня сделать самым приятным из людей).	Comment cela se peut-il faire? lui dit la Princesse (Как же это может случиться? — спросила его принцесса).
5	Cela se fera, répondit Riquet à la houppe, si vous m'aimez assez pour souhaiter que cela soit; et a fin, Madame, que vous n'en doutiez pas, sachez que la même Fée qui au jour de ma naissance me fit le don de pouvoir rendre spirituelle la personne qu'il me plairait, vous a aussi fait le don de pouvoir rendre beau celui que vous aimerez, et à qui vous voudrez bien faire cette faveur (Так и случится, — отвечал Рике с хохолком, — если только вы будете меня достаточно любить, чтобы желать этого; а чтобы вы не беспокоились, принцесса, знайте, что та же самая фея, которая в день моего рождения дала мне способность сделать умницей ту, кто мне понравится, вас также одарила способностью сделать красавцем того, кого вы полюбите и кому от всего сердца пожелаете этого).	Si la chose est ainsi, dit la Princesse, je souhaite de tout mon cœur que vous deveniez le Prince du monde le plus beau et le plus aimable; et je vous en fais le don, autant qu'il est en moi (Если так, — сказала принцесса, — то я хочу от всего моего сердца, чтобы вы стали самым красивым и самым приятным принцем в мире, и даю вам в дар такую же красоту, какой я обладаю).

Дискурсивную активность обоих героев можно представить так:

Диалог 2

Реплики	Рике	Принцесса
1-я	37 слов	29 слов
2-я	7 слов	167 слов
3-я	129 слов	13 слов
4-я	20 слов	6 слов
5-я	70 слов	39 слов

Речевой вклад коммуникантов и распределение коммуникативной инициативы значительно отличаются от реплицирующего диалога. Наблюдаем пространственные реплики, которые характеризуют эмоциональность диалога.

Поставленные героем четыре риторических вопроса в третьей реплике относятся к метакоммуникативным средствам, поддерживающим контакт собеседников. Такие вопросы не содержат запроса информации, ответ вытекает из самого вопроса. Побудительная семантика, свойственная подобным аргументативным средствам, заключается в побуждении адресата. В данном случае Рике побуждает героиню как адресата на контакт и поддержание внимания к предмету обсуждения — замужество. Несмотря на то, что риторический вопрос остается без ответа, он ставит принцессу перед проблемой, которую предстоит решить обоим участникам диалога. Фасцирующие свойства риторического вопроса в данном типе дискурса, который, вслед за О. А. Турбиной, можно назвать эмогенным [14, с. 47], позволяют автору приобщить адресата к логике аргументирования, что способствует большей эффективности убеждения. Эмоциональная нагрузка обозначена и графически (восклицательные, побудительные и вопросительные предложения, маркированные соответствующими знаками препинания). Эмоциональная речь персонажа отражает его волнение при виде той, которую он любит. Реплики довольно длинные, все сконцентрированы на одной мысли: Рике важно убедить красавицу стать его женой, тогда как принцессе хочется отказаться от замужества с некрасивым мужчиной. Целая цепочка придаточных маркирует причину и следствие, что таким образом позволяет герою продемонстрировать искусство речи (*l'art de converser*). Такое красноречие, по мысли автора, показывает превосходство мужского ума над женской красотой.

Специфичность протекания диалога проявляется в структуре синтаксиса, который порождает стилистически маркированные высказывания. Синтаксис сложного предложения в классический период отражает процесс установления и закрепления связи типов придаточных предложений. С одной стороны, наблюдается «симметрия и гармония фразы» [11, с. 444], с другой — сохранение усложненности предложения придаточными с многократным употреблением подчинительных союзов. В репликах анализируемой сказки сложные синтаксические конструкции с различными видами сочинительной и подчинительной связи выполняют определенные стилистические функции. Синтаксические единицы могут выступать в качестве экспрессивно-стилистических средств для достижения выразительности высказывания и в качестве функционально-стилистических, характерных для определенной сферы языка [8, с. 474]. Использование сложных предложений, фигурирующих в представленных диалогах, связаны с повествовательной манерой изложения, типичной для прециозного произведения Ш. Перро. Доминирующее в синтаксисе диалогов последовательное подчинение придаточных предложений способствует ясности высказывания мысли, подчеркнутому выражению логических связей

и при этом выполняет экспрессивную функцию. В речи персонажа такой прием служит цели повышения динамичности высказывания, создает представление о постепенном, но настойчивом воздействии на собеседницу. Благодаря сложному синтаксису и избыточности придаточных предложений последовательного подчинения речь принцессы во втором диалоге приобретает характер прециозности и экспрессивной значимости, что свидетельствует о смене коммуникативной роли. Появление в реплике восклицательного предложения характеризует эмоциональное отношение героини к предмету беседы, что также создает эффект метаморфозы.

Заключение

В статье предпринята попытка актуализировать представление о культуре диалога Нового времени с позиций диалогической лингвистики. В работе продемонстрированы особенности этикетного эмотивного диалога реплицирующего характера. Показано воздействие на ценностные ориентации социума данного периода, регулировавшегося нормами светского общения. В связи с этим новые модели речевого поведения диктовали строгий отбор речевых средств в рамках диалогического взаимодействия. Таким образом, описанные диалоги характеризуются не только меной ролей говорящих, их коммуникативной инициативой, но и коммуникативным неравенством, отражающим разную речевую культуру участников диалога.

Библиографический список

Источники

1. Перро Ш. Сказки / пер. под ред. М. Петровского; вступит. ст. и коммент. Н. П. Андреева. М.: ACADEMIA, 1936. 394 с.
2. *Histoires ou Contes du temps passé, avec des moralitez / par le fils de Monsieur Perrault, de l'Académie française, suivant la copie à Paris.* Paris: Cl. Barbin, 1697. 273 p.

Литература

3. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика / сост., вступит. статья и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.
4. Борисова И. Н. Режимы диалоговѣдения и динамические типы разговорного диалога // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 245–261.
5. Викулова Л. Г. Паратекст французской литературной сказки (прагмалингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05. Иркутск, 2001. 363 с.
6. Викулова Л. Г. Прозаические сказки Шарля Перро как языковое и социокультурное явление XVII века во Франции = *Contes en prose de Charles Perrault: Témognage linguistique et culturel du XVII-e siècle en France*: учеб. пособ. Иркутск: ИГЛУ, 2000. 271 с.
7. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Михайлова С. В. Диахроническая этносемиотика лексемы *Salon* // Фундаментальное и актуальное в развитии языка:

категории, факторы, механизмы: мат-лы XVIII Междунар. конф., школы-семинара им. Л. М. Скредлиной. М., 2017. С. 47–52.

8. Данилевская Н. В., Трошева Т. Б. Стилистические ресурсы синтаксиса (синтаксическая стилистика) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 474–482.

9. Диалогическая лингвистика: монография / под науч. ред. Н. Н. Шпильной; отв. ред. М. В. Воронеж, Н. И. Тюкаева. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 320 с.

10. Михайлова С. В. Фемининная идентичность и способы ее объективации в художественном дискурсе XVII века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2012. 249 с.

11. Скредлина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. М.: Высшая школа, 2001. 463 с.

12. Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник»: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. 2-е изд. М.: Языки славян. культур, 2009. 896 с.

13. Торговкина Т. А. Феномен комплимента в истории французской речевой культуры XVI–XVIII веков: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Саранск, 2006. 195 с.

14. Турбина О. А., Солопова О. А., Салтыкова М. С. Эмогенный текст: монография. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2018. 112 с.

15. Фаустова А. Г. Историческая динамика представлений о человеческом теле, внешности и физической привлекательности // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: электронный научный журнал. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-dinamika-predstavleniy-o-chelovecheskom-tele-vneshnosti-i-fizicheskoy-privlekatelnosti/viewer> (дата обращения: 20.03.2021).

16. Bély L. La France au XVII-e siècle. Puissance de l'Etat, contrôle de la société. Paris: PUF, 2009. 846 p.

17. Dictionnaire historique de la langue française: en trois volumes / sous la direction d'Alain Rey. Paris: le Robert, 2006. 4304 p.

18. Lodge A. Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue. Paris: Fayard, 1997. 382 p.

19. Soriano M. Introduction // Perrault. Contes. Paris: GF Flammarion, 1991. P. 7–40.

References

Istochniki

1. Perro Sh. Skazki / per. pod red. M. Petrovskogo; vstupid. st. i komment. N. P. Andreeva. M.: ACADEMIA, 1936. 394 s.

2. Histoires ou Contes du temps passé, avec des moralitez / par le fils de Monsieur Perrault, de l'Académie française, suivant la copie à Paris. Paris: Cl. Barbin, 1697. 273 p.

Literatura

3. Bart R. Nulevaya stepen` pis`ma // Semiotika / sost., vstupid. stat`ya i obshh. red. Yu. S. Stepanova. M.: Raduga, 1983. S. 306–349.

4. Borisova I. N. Rezhimy` dialogovédeniya i dinamicheskie tipy` razgovornogo dialoga // Izvestiya Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 24. S. 245–261.

5. Vikulova L. G. Paratekst francuzskoj literaturnoj skazki (pragmalingvisticheskiy aspekt): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.05. Irkutsk, 2001. 363 s.

6. Vikulova L. G. Prozaicheskie skazki Sharlya Perro kak yazy`kovoe i sociokul`turnoe yavlenie XVII veka vo Francii = Contes en prose de Charles Perrault: Témognage linguistique et culturel du XVII-e siècle en France: ucheb. posob. Irkutsk: IGLU, 2000. 271 s.

7. Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Mixajlova S. V. Diachronicheskaya e`tnosemiometriya leksemij` Salon // Fundamental`noe i aktual`noe v razvitii yazy`ka: kategorii, faktory`, mexanizmy`: mat-ly` XVIII Mezhdunar. konf., shkoly`-seminara im. L. M. Skrelinoj. M., 2017. S. 47–52.
8. Danilevskaya N. V., Trosheva T. B. Stilisticheskie resursy` sintaksisa (sintaksicheskaya stilistika) // Stilisticheskij e`nciklopedicheskij slovar` russkogo yazy`ka / pod red. M. N. Kozhinoj. M.: Flinta: Nauka, 2011. S. 474–482.
9. Dialogicheskaya lingvistika: monografiya / pod nauch. red. N. N. Shpil`noj; otv. red. M. V. Voronecz, N. I. Tyukaeva. Barnaul: AltGPU, 2019. 320 s.
10. Mixajlova S. V. Femininnaya identichnost` i sposoby` ee ob`ektivacii v xudozhestvennom diskurse XVII veka: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 2012. 249 s.
11. Skrelina L. M., Stanovaya L. A. Istoriya francuzskogo yazy`ka. M.: Vy`sshaya shkola, 2001. 463 s.
12. Tarasov B. N. «My`slyashhij trostnik»: Zhizn` i tvorcestvo Paskalya v vospriyatii russkix filosofov i pisatelej. 2-e izd. M.: Yazy`ki slavyan. kul`tur, 2009. 896 s.
13. Torgovkina T. A. Fenomen komplimenta v istorii francuzskoj rechevoj kul`tury` XVI–XVIII vekov: dis. ... kand. kul`turologii: 24.00.01. Saransk, 2006. 195 s.
14. Turbina O. A., Solopova O. A., Salty`kova M. S. E`mogenny`j tekst: monografiya. Chelyabinsk: ICz YuUrGU, 2018. 112 s.
15. Faustova A. G. Istoricheskaya dinamika predstavlenij o chelovecheskom tele, vneshnosti i fizicheskoy privlekatel`nosti // Lichnost` v menyayushhemsya mire: zdorov`e, adaptaciya, razvitie: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-dinamika-predstavleniy-o-chelovecheskom-tele-vneshnosti-i-fizicheskoy-privlekatelnosti/viewer> (data obrashheniya: 20.03.2021).
16. Bély L. La France au XVII-e siècle. Puissance de l'Etat, contrôle de la société. Paris: PUF, 2009. 846 p.
17. Dictionnaire historique de la langue française: en trois volumes / sous la direction d'Alain Rey. Paris: le Robert, 2006. 4304 p.
18. Lodge A. Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue. Paris: Fayard, 1997. 382 p.
19. Soriano M. Introduction // Perrault. Contes. Paris: GF Flammarion, 1991. P. 7–40.

**L. G. Vikulova,
E. M. Ryanskaya**

Dialogue Etiquette in the Communicative Practice of the XVII century

The article considers the XVII century communication practice features on the example of the French high-profile society, based on the collective values of the latter as well as on the European norms of speech behavior. Sh. Perrault's literary fairy tale «Riquet with a tuft» exemplifies the features of the label replica dialogue determined by the social environment. The importance of factors that dominate the dynamics of speakers' roles is emphasized.

Keywords: the XVII century communicative practice; secular speech behavior; dialogue interaction; phrase dialogue.